

Петр Немировский

УБИЙСТВО НА ЭММОНС АВЕНЮ

Рассказ

1

Раздвоение происходило не сразу, а незаметно, постепенно, – так незаметно в марте тает снег или изнутри долго сгнивает ствол многолетнего дерева. Правда, первое подозрение сумасшествия закралось перед отъездом – в последние дни, когда Якоб бродил по когда-то родному городу, по его заснеженным улицам, и силуэты прохожих в пальто и шубах казались тенями, неприкаянно снующими в царстве мертвых. Вернее, тенью был он, а всё вокруг – знакомые с детства переулки, стволы каштанов, изогнутые фонари, мемориальные доски, где с фуражек вождей и писателей свисали в ряд тонкие прозрачные сосульки, как гребешки с поломанными зубьями, даже звезды над головой, – все вдруг стало вывернутым наизнанку, очутилось по ту сторону зеркального мира, где жили все люди, все, кроме Якоба. Его ждал отъезд.

Тогда он впервые ощутил странное состояние, когда все как бы проходили сквозь него, смотрели сквозь него, разговаривали не с ним; будто в один миг сговорились, условились, что его больше не существует. А его душа, словно отлетевшая, точнее, после бесконечных экспериментов воображения давно перелетевшая океан, уже нетерпеливо ждала на другом берегу того, кто звался Якобом, но им уже не был. Только авиаперелет, давшийся относительно легко, остался в его памяти последним реальным эпизодом.

Спустя годы, сидя в кресле, уставившись в оконное стекло, в котором отражались: его облысевшая голова, напоминающая хорошее страусиное яйцо, открытые дверцы кухонного шкафчика, где между стаканов и тарелок, словно биржевые брокеры, пробегали тараканы;

плита со свистящим чайником, Якоб отчетливо вспоминал каждую мелочь того перелета. Яркая вспышка озаряла его сознание, он делал отчаянную попытку ухватиться, вернуться к себе, но вдруг все гасло, нога словно соскальзывала в пропасть, в оконном стекле ломались линии, все искажалось, удваивалось – и перевернутый мир снова вступал в свои права.

2

Такое состояние странной раздвоенности, однако, – необходимое условие для творчества.

Якоб – одаренный писатель, давно покинувший Россию, продолжал и в Нью-Йорке заниматься литературным ремеслом.

...Итак, он шел по Эммонс авеню. С одной стороны возвышался собор Святого Марка с высокой колокольней, с другой – тянулся ряд бакалейных лавок и здание банка. На асфальте валялись обрывки газет, рекламные флаеры и прочий мусор, которого всегда в избытке на торговых улицах. Якоб возвращался откуда-то, как обычно погруженный в себя, но, в то же время, с писательским любопытством изучал все вокруг: сосредоточенные лица людей у банковских автоматов, выложенных на лотках рыб, даже мокрый кленовый листик, прилипший к шине «Шевроле», за рулем которого сидела девушка в вызывающе открытой кофточке, лица ее он не разглядел.

Он вдруг замер, замер внутренне, внешне же продолжал идти, глядя перед собой вмиг остекленевшими глазами. На соборной колокольне ударил колокол. Густой гул «бам-м-бам-м-м» поплыл в сентябрьском воздухе, заглушая рев машин и стук колес поезда,

въезжающего на эстакаду. Якоб замер вторично и тут же едва не упал, задетый крепким, бандитского вида, мужчиной в кожаной куртке.

Весь этот шум, и треск, и вечерний звон – при всей своей замечательной фактуре – ныне не имели для Якоба ни малейшей литературной ценности. Живописная Эммонс авеню когда-то была им описана, и описана хорошо, в самой лучшей из его повестей, которую он очень любил; но, увы, она не принесла ему ни славы, ни денег...

По этой дороге, огибая и перепрыгивая лужи, часто ходил герой его повести – вечный студент, длинноволосый хиппи, идеалист, веривший в Бога и вечную любовь. Сначала ходил сам, возвращаясь из колледжа, в потертom джинсовом костюме, а потом – вместе с Диной. Правда, в повести Якоб назвал ее Викой, потому что Дина мешала ему писать: постоянно мелькала перед глазами, кокетничала, клялась в любви, молилась в храме, а потом изменила ему с другим. Ее тень бегала по белому листу бумаги, где тянулись черные кривенькие буквы. Впрочем, не исключено, что эту тень отбрасывала мошка, которая кружилась вокруг горящей настольной лампы. Порою, отрываясь от листа бумаги, Якоб смотрел на эту лампу, с тонкой лампочкой, спрятанной под круглым матовым стеклом. Мошку в качестве избитого литературного образа он создал в своем воображении и, перевоплотившись, даже совершил несколько кругов вокруг лампы и улетел, ощутив жуткую горячность, обжигающую крылья.

3

Вернемся, однако, на Эммонс авеню, где пораженный Якоб больно ущипнул себя за ногу и, развернувшись, пошел против людского потока, вливающегося в метро. Дошел до отправной точки – к рыбному магазину, где герой его повести, обычно покупал морских окуней.

Якоб вошел в магазин и, обратившись к вечно улыбающемуся, но в этот раз почему-то смущенному продавцу, попросил отвесить ему еще пару рыб. С поразительной ловкостью, доведенной до автоматизма, продавец подхватил крючком за жабры двух лежащих на лотке окуней, бросил их в полиэтиленовый кулек и, взвесив, протянул Якобу.

Рассчитавшись с кассиром, Якоб снова побрел по улице и перепуганными глазами смотрел вокруг.

Он шел по вымершей авеню, сам – мертвец. Шел вслед герою своей повести – длинноволосый хиппи, вечный студент снова возник перед ним!

Весь ужас заключался в том, что его герой был живым, реальным. Герой мечтал и любил, его ждала (еще ждала, она стала изменять ему позже) Дина. Герою было куда спешить. Он был голоден, в желудке урчало, а во рту (из-за больной печени) порой возникал привкус неприятной горечи. Герой был живым, а Якоб превратился в призрак. Он понял, что у него больше нет желудка, нет даже больной печени. Потому что в его сердце нет ни боли, ни любви. Он – ничто, пустая оболочка, «мешок костей и стаканчик крови», – так издевательски в последнее время называла его Дина.

Упрямый, он все же не сдавался: доходил до метро и снова возвращался к рыбной лавке, покупал там морских окуней и шел обратно. Надеялся таким, чисто механическим, способом вырваться из небытия.

Когда он проделывал это странное путешествие в пятый раз, ему на ум вдруг пришла удивительно простая, но опасная мысль: все его проблемы – из-за Героя, этот чудак – главный виновник всех его бед и мытарств. Покончить с ним, покончить раз и навсегда!

На лице Якоба заиграла диковатая улыбка, глаза засверкали. Он вмиг преобразился: шмыгнул носом и, ссутулившись, сунул руки в карманы. В его походке появилось что-то от уголовного, правда, несколько декоративного, похожего на героя его другой повести, детективно-криминальной, когда-то написанной исключительно ради денег.

По-блатному он опустил на глаза козырек несуществующего кепаря, поднял воротник кожаной куртки и пошел знакомой дорогой: мимо бакалейных лавок, собора Святого Марка и здания банка. Пальцы в кармане нащупали рукоять ножа.

Этот нож он когда-то купил на фли-маркете у какого-то молодого, крайне неопрятного негра. Нож имел длинное, чуть загнутое на конце лезвие и гладкую эбонитовую ручку. Якоб чистил им морских окуней: отрезал рыбам головы и вычищал из их брюх склизкие зеленоватые кишки. Нож привык к ладони Якоба и однажды, когда его одолевала писательская нужда, нож упал на лист бумаги, брякнул в тишине, спугнув воображаемую мошку, кружившуюся вокруг лампы. После неосторожного поворота мошка обожгла свои крылышки и упала на белый лист бумаги, возле ножа. С этого, собственно, и начинался тот

детектив – Якоб его стыдился, но за него заплатили десять тысяч долларов. Благодаря этим деньгам Якоб тогда не очутился на улице и даже переехал в хорошую квартиру с видом на Манхэттен.

4

...Спускались сумерки. Раздвоенный между двумя героями, Якоб понял, что ему нужно выбирать – между вечным студентом, который потерял Бога, Родину, жену, но вопреки всему продолжает верить и любить; и короткостриженным уголовником из своего детектива.

Этот урка был врожденным аферистом. Однажды, переодевшись полицейским, он остановил «Шевроле», за рулем которого сидела красивая блондинка в вызывающе открытой кофточке. Сев в ее машину, потребовал отъехать на безлюдную набережную, неподалеку от Эммонс авеню. Он оглушил женщину рукоятью ножа и, забрав ее кошелек, попытался снять деньги с ее кредитных карточек. Только это преступление, наконец, вывело ФБР на его след...

Якоба толкали спешащие к метро прохожие. Он старался не потерять из виду того длинноволосого хиппи в джинсовом костюме.

Оба вошли в метро и, пройдя через турникеты, поднялись на открытую платформу.

Несмотря на поздний час, на платформе стояло много народу. Якоб почувствовал, как начинает биться его сердце. Слабенькие удары отдавались глубоко в груди, сливаясь с ударами церковного колокола. Во рту появился солоноватый привкус, такой вкус у крови. И перед потерей сознания тоже.

Прошло несколько долгих, как вечность, минут. Якоб не сводил глаз с длинноволосого парня, стоящего на платформе возле телефона.

Вдали, прорезав полутьму светом двух ярких желтых фар, появился поезд. «Тух-тух-тух» – ударяло, приближаясь, и этот накатывающийся грохот толкнул обезумевшего Якоба к действию.

Его дыхание участилось. Собственно, он уже не дышал, а стучал колесами поезда, подъезжающего к платформе станции. В последний миг потухающий разум Якоба шепнул слабое: «нет...» Все же он вытащил нож и, прижимая его к бедру, подкрался к парню. И когда поезд, притормаживая, въехал на эстакаду, Якоб ударил парня ножом, а затем столкнул с платформы под колеса. И только в последний миг понял, что этот длинноволосый хиппи – он сам...

XXX

Якоба отпевали в соборе Святого Марка. На молебне собралось лишь несколько человек: продавец из рыбной лавки, какой-то молодой неопрятный негр и блондинка в черной вуальке, не пожелавшая назвать свое имя.